

Суворин Алексей Сергеевич

**Театральные очерки
1866-1876 гг**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А47

А47 **Алексей Сергеевич С.**
Театральные очерки 1866-1876 гг / Суворин Алексей Сергеевич – М.: Книга
по Требованию, 2022. – 511 с.

ISBN 978-5-519-75755-3

ISBN 978-5-519-75755-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Лѣтописецъ,—какъ его представлялъ себѣ Пушкинъ,—оставляя потомству свои «правдивыя сказанья», смотрѣлъ на это, какъ на исполненіе долга, «завѣщаннаго отъ Бога». Если выразить эту же мысль иначе, на болѣе современный ладъ, то можно сказать, что въ этомъ трудѣ онъ видѣлъ свое призваніе. Пушкинскій лѣтописецъ не простой протоколистъ: это художникъ, творчески возсоздающій картины того, чему онъ былъ свидѣтелемъ:

На старости я сизнова живу,
Минувшее проходить предо мною...

Любовное отношеніе къ этому минувшему и даетъ ему возможность подмѣтить не тѣ мимолетныя, иногда прежде всего бросающіяся въ глаза черточки, которыя поражаютъ поверхностнаго наблюдателя, а самую душу событій, ихъ внутренній смыслъ и значеніе.

VII

Чтобы писать о театрѣ то, что не только можетъ интересовать современниковъ, но будетъ имѣть значеніе и много лѣтъ спустя, надо прежде всего любить театръ. Мало найдется среди писателей такихъ, которые въ свое время не отдали бы дань увлеченію сценой. Некрасовъ воспѣлъ этотъ педугъ:

О сцена, сцена! не поэтъ,—
Кто не былъ театраломъ...

Но проходить извѣстный срокъ,—проходить обыкновенно и увлеченіе театромъ. На него начинаютъ смотрѣть съ болѣе прозаической стороны,—какъ на

одно изъ средствъ убить время отъ 8 до 12 часовъ вечера. Такихъ, которые не измѣняютъ сценѣ до конца своихъ дней, немного. Это—влюбленные въ театръ, принимающіе близко къ сердцу все, что имѣетъ какое-нибудь къ нему отношеніе, испытывающіе глубокую радость, когда для театра дѣла складываются благопріятно, чувствующіе себя несчастными, когда они видятъ, что что-нибудь мѣшаетъ свободному его развитію.

VIII

Къ числу такихъ страстно влюбленныхъ въ театръ, попеременно то радующихся за него, то печалющихся о немъ, принадлежалъ А. С. Суворинъ. Въ собранныхъ въ этой книгѣ статьяхъ и замѣткахъ о театрѣ, которыя онъ писалъ во второй половинѣ 60-хъ и въ началѣ 70-хъ годовъ, нельзя подмѣтить «заранѣе обдуманнаго намѣренія» отразить всю сложную картину театраль-ной жизни этой эпохи,—А. С. Суворинъ просто дѣлился впечатлѣніями, которыя вызывали въ немъ новыя пьесы и ихъ исполнители, говорилъ объ отношеніи къ театру публики, касался разныхъ вопросовъ, казавшихся важными въ данную минуту,—но вышла сама собою картина и поучительная, и интересная. Волнующійся самъ, писатель заражаетъ своимъ волненіемъ и читателя,—старые театральные боги оживаютъ, поблекшія краски театральныхъ декорацій снова кажутся свѣжими, волновавшія сердца отцовъ и дѣдовъ давно нами забытыя слова опять звучать, какъ лозунги.

Картина театральной жизни 60-хъ—70-хъ годовъ сама развернется передъ читателемъ статьей А. С. Су-

воришна,—здѣсь мы попробуемъ намѣтить ее лишь въ самыхъ общихъ чертахъ.

Это было безвременье русской драмы. Въ репертуарѣ царилъ Дьяченко, этотъ, по выраженію Суворина, «безсмѣнный пономарь Александринской сцены: какъ бы дурно ни звонилъ онъ, служба его считается всегда полезною». Пьеса Дьяченко «Ледяной домъ» была освистана даже невзыскательною публикой Александринскаго театра, но,—отмѣчаетъ Суворинъ,—«весь репертуаръ этой же недѣли былъ дяченковскій съ начала и до конца, съ понедѣльника до пятницы включительно, что ни день, то г. Дьяченко! Мнѣ кажется, что это ужъ черезчуръ много». Сравнительно съ этимъ любимцемъ заправилъ Александринскаго театра, въ такихъ драматургахъ, какъ авторъ державшихся довольно долго въ репертурѣ пьесъ «Гражданскій бракъ» или «Старый баринъ», критику приходилось признать «что-то въ родѣ проблесковъ таланта». Но въ то же время онъ не уставалъ разоблачать и въ такого рода пьесахъ всякую фальшь, всякую погоню за внѣшними эффектами. Въ особенности доставалось авторамъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они, спекулируя на вѣрный почти успѣхъ, выводили въ пьесахъ «современные мотивы». «Странные люди все эти авторы, пишущіе для сцены и старающіеся уловить современность»,—говоритъ А. С. Суворинъ. «Они хотятъ обмануть и самихъ себя, и зрителей, выставляя молодежь, одно время бредившую несбыточными мечтами, въ видѣ непроходимыхъ глупцовъ, лишенныхъ человѣческаго образа». Герои пьесы Пальма «Старый баринъ», технологъ и

его будущая спутница жизни,—«новые люди»,—Суворину представляются «деревяннѣйшими созданіями ординарнѣйшаго ума, какъ ни силится авторъ одѣть этихъ дѣятелей артели во всевозможныя добродѣтели». Поклонникамъ пропаганды при посредствѣ сцены артельныхъ сыроваренъ критикъ саркастически замѣчаетъ: «сцена вовсе не годится для изображенія специальностей, каковы бы онѣ ни были—сыроваренныя, мыловаренныя, типографскія; сцена служить и должна служить разработкѣ общечеловѣческихъ, а не техническихъ вопросовъ».

X

Но можно ли было говорить объ упадкѣ драмы въ то время, когда былъ еще живъ и писалъ для сцены Островскій? Суворину вполне ясно его значеніе для театра, въ исторіи котораго имя его «займетъ одно изъ первыхъ и почетнѣйшихъ мѣстъ». Но это не мѣшаетъ ему видѣть, что заслуги автора «Грозы» главнымъ образомъ въ прошломъ. Въ особенности слабыми и блѣдными представляются ему историческія пьесы Островскаго: «историческая хроника или историческая драма—это та окольная дорога, на которую сбился этотъ замѣчательный талантъ». Не удовлетворяютъ Суворина и другія историческія пьесы Александринскаго репертуара, которыя,—если не считать поставленной въ концѣ 60-хъ годовъ «Смерти Іоанна Грознаго» Алексѣя Толстого,—сводились къ пьесамъ въ родѣ «Каширской Старины» Аверкіева, ядовито окрещенной Суворинымъ «Каширской Ерундой», или безталантной пьесы Жандра «Неронъ». Въ посвященной ей статьѣ мы находимъ такой убійственный для ав-

тора отзывъ: «говорятъ, что нѣтъ дѣйствія безъ причины, но вчера на Марининской сценѣ, въ трагедіи г. Жандро «Перонъ», я видѣлъ пять дѣйствій безъ причины».

Не только низкій уровень драматическаго искусства, но и самый характеръ тѣхъ зрѣлищъ, которыя предлагались публикѣ на казенной сценѣ, вызывалъ рѣзкое осужденіе Суворина. На тѣхъ же подмосткахъ, гдѣ разыгрывались составляющія гордость русской литературы «Горе отъ ума», «Ревизоръ» и пьесы Островскаго, на той сценѣ, которая должна была бы воспитывать и поднимать уровень вкусовъ публики, царила оперетка; артисту, сегодня исполнявшему роль Хлестакова или Репетилова, завтра приходилось распѣвать пошлѣйшіе куплеты въ россійскихъ передѣлкахъ «Герцогини Герольштейнской», «Орфея въ аду» или «Фауста на-изнапку». Суворинъ не былъ строгимъ ригористомъ, онъ не думалъ, разумѣется, отрицать самаго права оперетки на существованіе и охотно признавалъ остроуміе нѣкоторыхъ,— правда, немногихъ,—произведеній этого рода. Но онъ некрепко возмущался тѣмъ, что владычество оперетки превращало русскій драматическій театръ въ увеселительное мѣсто весьма невысокаго пошиба. «Я желалъ бы знать,—спрашиваетъ онъ,—чѣмъ Минерашки хуже Александринскаго театра, который начинаетъ служить тѣмъ же дѣлямъ, какъ и г. Излеръ, отбивая у послѣдняго хлѣбъ. Я вполне убѣжденъ, что еслибъ дирекція позволила г. Курочкину, то онъ насмѣялся бы надъ Александринскимъ театромъ очень зло и справедливо».

Сатирическіе выпады Суворина были направлены не только противъ заправиль сцены, подлаживавшихся подъ вкусы толпы, но и на самую «александринскую публику», которая чувствовала себя среди пьесъ Дьяченко и игривыхъ опереточныхъ куплетовъ совершенно въ своей сферѣ. Это публика, «для которой необходимъ особый репертуаръ изъ вещей пряныхъ, въ канканномъ ли или либеральномъ родѣ». «У александринской публики,—пишетъ онъ далѣе,—есть свои спеціальныя драматургіи, которые изучили ея вкусъ, приноровились къ ней и могутъ сказать съ гордостью: мы знаемъ публику, а она знаетъ насъ».

XII

Подвергнувъ въ рядѣ статей подробному обсужденію весь репертуаръ того времени и придя къ печальному выводу, что «наша драматургія падаетъ», Суворинъ пробуетъ разобраться въ причинахъ этого явленія. Самому обстоятельному разсмотрѣнію подвергаются цензурные порядки, процедура прохожденія пьесъ черезъ литературно-театральный комитетъ; строго осуждается царившая въ то время система бенефисовъ, оказывавшая огромное вліяніе на репертуаръ, такъ какъ актеры ставили въ бенефисы пьесы по своему выбору, а потомъ эти пьесы становились репертуарными, и т. д. Но самое больное мѣсто театра того времени,—зло, съ которымъ Суворинъ не уставалъ бороться, противъ котораго при каждомъ удобномъ случаѣ направлялъ стрѣлы,—это отсутствіе свободы театровъ. Монополія русскихъ драматическихъ спектаклей, принадлежавшая казенной сценѣ, въ виду

отсутствія конкуренціи, порождала «незаинтересованность въ успѣхѣхъ» у тѣхъ, въ вѣдѣніи которыхъ находилось дѣло. Какъ вѣчный припѣвъ—«*Carthago delenda est*»,—Суворинъ не забываетъ упомянуть объ этомъ, давая отчетъ о юбилеѣ Островскаго, и говорить: «Страшно, что никому изъ присутствовавшихъ не пришло въ голову провозгласить тостъ за свободу русскаго театра, съ чѣмъ неразрывно связана большая матеріальная и нравственная независимость русскаго драматурга». Голосъ Суворина былъ однимъ изъ тѣхъ голосовъ, немногочисленныхъ, но сильныхъ своею убѣжденностью и талантомъ, которые звучали настойчиво, не позволяли театральнымъ чиновникамъ почить на лаврахъ, тѣхъ голосовъ, благодаря которымъ была, наконецъ, сокрушена мѣшавшая развитію русскаго драматическаго искусства твердыня казенной театральной монополіи. Дѣятельности А. С. Суворина въ этомъ направленіи русскіе драматурги и артисты, получившіе, благодаря расцвѣту частной театральной предпримчивости, значительно большій, чѣмъ раньше, просторъ для развитія своихъ дарованій, конечно не забудутъ.

XIII

Мы коснулись здѣсь сравнительно немногихъ вопросовъ театральной жизни, освѣщеніе которыхъ мы находимъ въ статьяхъ о театрѣ Суворина. Но какъ историкъ театра, такъ и просто интересующійся былыми судьбами нашей сцены читатель найдетъ въ статьяхъ Суворина множество чрезвычайно цѣнныхъ указаній объ игрѣ выдающихся артистовъ того времени,—Васильева 2-го, Мартынова, Садовскаго, Са-

мойлова и др.,—найдутъ не въ формѣ сухихъ отчетовъ, по въ видѣ художественныхъ характеристикъ. Съ чуткостью, которую ему давала безграничная любовь къ театру, Суворинъ умѣлъ цѣнить и угадывать каждое новое сценическое дарованіе, и первыя выступленія Савиной были отмѣчены имъ, какъ театральное «событіе». Не потеряли значенія и для настоящаго времени общія сужденія Суворина по многимъ вопросамъ, какъ, напримѣръ, о пріемахъ игры актеровъ, или о значеніи для нихъ школы,—«той драматической школы, которая стоитъ за естественность, за простоту и правду, и гонитъ ходульность».

XIV

Таковъ въ общихъ чертахъ обликъ Суворина, какъ «лѣтописца» театра, дающаго обширный и разнообразный матеріалъ для историка театрального дѣла въ Россіи. Но то, что даетъ публикѣ театръ, если не всегда, то все-таки иногда относится и къ области литературы. Сужденія, высказываемыя Суворинимъ по поводу произведеній такого рода, представляютъ интересъ и для настоящаго времени. Достаточно указать, напримѣръ, что, давая отчетъ объ игрѣ Васильева 2-го въ гоголевской «Женитьбѣ», онъ сумѣлъ освѣтить съ совершенно новой стороны такой типъ, какъ Кочкарева, о которомъ, казалось бы, уже все давно сказано.

Въ заключеніе нельзя не сказать нѣсколькихъ словъ о «языкѣ» статей Суворина. Извѣстный по газетнымъ статьямъ болѣе поздняго періода его дѣятельности гибкій, разнообразный, умѣющій выражать каждый оттѣнокъ мысли, стиль выработался и пріобрѣлъ полную самостоятельность, разумѣется, не сразу.

Но стиль статей о театрѣ привлекаетъ своею ясностью, отсутствіемъ всего непужнаго, всего того, что только мѣшаетъ свободному выраженію мысли. При такой трезвости стиля, при отсутствіи погоня за парочными эффектами, пріобрѣтаютъ особую выразительность, поражая читателя самою своею неожиданностью, полныя сарказма характеристики какъ нѣкоторыхъ драматическихъ писателей и артистовъ, такъ и тѣхъ вершителей судебъ театра, дѣятельность которыхъ представлялась А. С. Суворину особенно вредною.

Н. Ю р ѣ н ѣ .

У
Копія статьи о "Рассветѣ" Восточнаго
номеру 15-му в "Русскомъ Иллюстраторѣ" 1865,
подъ псевдонимомъ А. И - на.
Писалъ ли Суворинъ в "Рус. Иллюстраторѣ"?

